**Н.П. Муратов. Записки тамбовского губернатора. Сост.
В.В. Канищев, Л.Г. Протасов, Вл.В. Канищев. Тамбов, 2007. 436 с.**

«Я мечтал, как о венце своей карьеры, о должности городского судьи в одном из уездных городов средней полосы России и думал, что при моем домике будет сад, яблони, вишняк и немудреная беседка, в которой я после рабочего дня буду пить чай»¹. Судьба автора этих строк, Николая Павловича Муратова, распорядилась с ним совсем по-другому. Питомец Училища правоведения, готовый посвятить свою жизнь судебной деятельности, вряд ли догадывался, что после назначения в 1906 г. тамбовским губернатором он станет известным всей стране. Решительные действия, направленные на укрепление авторитета коронной администрации, непримиримая полемика с представителями общественности, сделали его колоритной фигурой той части чиновничества, которая на волне Первой русской революции получила путевку в губернаторство. Многие события жизни и деятельности Муратова отражены в его обширном мемуарном наследии.

Изданный усилиями тамбовских историков фрагмент воспоминаний Н.П. Муратова в основном посвящен его деятельности на посту тамбовского губернатора, хотя и затрагивает канун его назначения, когда тот служил прокурором ярославского окружного суда. Это многоаспектное, чрезвычайно насыщенное широкой совокупностью фактов и событий сочинение. Буквально с первых страниц бросается в глаза интерес автора к персоналиям тамбовского общества. Он подробно анализирует характер, поведение и менталитет местного чиновничества, представителей дворянской корпорации (особенно их предводителей), а также земских деятелей. Составители издания справедливо отметили, что Муравьеву удалось «создать содержательные и яркие характеристики своего окружения, общественно-политических событий» (с. 11).

Трудно найти такую сторону жизни Тамбовской губ. начала XX в., которая бы ускользнула от внимательного взгляда мемуариста. Центральное место в воспоминаниях Муратова занимают его непростые, конфликтные, а зачастую и прямо скандальные отношения с местным обществом. Он с методичной подробностью описывает свою полемику с тамбовским дворянством, расставляя акценты на наиболее дискуссионных вопросах. Резкий в высказываниях, принципиальный в поступках, последовательный в действиях, губернатор Муратов был очень сложным, «колючим» оппонентом. Не менее драматично складывались его отношения с судебными органами Тамбов-

ской губ. Большой знаток нравов судебного мира, Муратов компетентно его анализирует, обнажая служебную и личную подоплеку конфликтных ситуаций.

Наряду с этим отдельные главы воспоминаний посвящены отношениям Муратова с духовенством, провинциальной прессой. Мемуарист много внимания уделяет характеристике повседневной жизни тамбовского общества, театру, цирку, а также быту губернаторского дома. Кроме того, он описывает последние дни жизни Л.Н. Толстого, скончавшегося в Тамбовской губ. на станции Астапово. Не разделявший взгляды писателя губернатор принял радикальное решение о недопуске в губернии каких-либо акций по этому поводу.

Муратовские воспоминания полны ярких образов. Губернский предводитель дворянства Н.Н. Чолокаев у него назван «тамбовским Мафусаилом» (с. 53), своего предшественника В.Ф. фон дер Лауница, равнодушного к общественному мнению, Муратов сравнил с Бисмарком (с. 121), а вице-губернатора Тарасенко-Отрешкова наградил эпитетом «глупый интриган и врун» (с. 204).

Остается лишь пожалеть, что Муратов оказался сдержан на характеристики представителей высшей бюрократии (В.Н. Кокковцова, А.Д. Оболенского, А.Г. Булыгина, В.А. Сухомлинова, А.В. Кривошеина и др.), о встречах с которыми он упоминает. Более часто он пишет, пожалуй, лишь о П.А. Столыпине, которого считал своим идейным наставником и которому был обязан своим назначением в Тамбов.

Выход мемуаров Муратова, несомненно, является заметным событием для исследователей истории России начала XX в. Однако насколько полно и эффективно они будут введены в научный оборот зависит от качества их подготовки к публикации. В связи с этим уже на первых страницах рецензируемой публикации у читателя возникает ряд вопросов, касающихся структуры издания, приемов передачи текста, а также состава и характера научно-справочного аппарата.

Историческая часть предисловия при издании источников личного происхождения должна содержать цели и задачи издания, историографический анализ литературы по теме, биографию автора и творческую историю публикуемых источников.

Между тем в предисловии к изданию отсутствует историографический анализ. Его заменяет фраза: «Историки очень редко обращались к характеристике Н.П. Муратова как

тамбовского губернатора» (с. 4). Позволим себе не согласиться с этим утверждением. Уж кто, но только не Муратов является забытой фигурой. В известной монографии Ю.Б. Соловьева обстоятельно разобрана его деятельность на посту тамбовского губернатора, начиная с обстоятельств назначения и оканчивая уходом из Тамбова². Еще тогда был введен в оборот значительный массив рукописи мемуаров Муратова. Обстоятельное исследование его биографии, вышедшее из под пера А.С. Тумановой³, упоминается составителями вскользь, а монография С.В. Куликова⁴, где сообщается о деятельности Муратова в годы Первой мировой войны, им, по-видимому, незнакома.

Теперь остановимся на заявлении составителей об обстоятельствах написания публикуемых воспоминаний, которые им «известны в незначительной мере» (с. 9). История написания мемуаров Муратова, напротив, вовсе не является тайной. Их рукопись не случайно хранится в фонде Л.М. Клячко в РГАЛИ. Известный журналист Клячко имел постоянную аккредитацию в Государственной думе и Государственном совете и был прекрасно знаком со многими представителями высшей столичной бюрократии. После 1917 г. по его инициативе многие сановники, оставшиеся в России, писали воспоминания о своей жизни и деятельности (в том числе Муратов). В настоящее время эта мемуарная коллекция насчитывает свыше 50 единиц хранения, большинство из которых не опубликовано⁵.

Составители не поясняют, какой из трех имеющихся вариантов рукописи был взят ими за основу и по какой причине. Объяснение, что «1-й – не совсем полный, с незавершенной правкой, 2-й и 3-й – законченные и идентичные между собой» (с. 11) предусматривает сопоставление этих трех версий, проверку возможных между ними разночтений. Однако работа в этом направлении, видимо, не проводилась.

Оригинал рукописи имеет неисправности, связанные с наличием вставок и зачеркиваний. Однако для составителей «практически все они (неисправности. – А.М.) вполне понятны», а потому, они «решили не делать пояснений по вариантам правки» (с. 12). С таким приемом передачи текста трудно согласиться.

В самом тексте публикаторами без убедительной мотивации сделаны купюры. Читатель, по воле составителей, вынужден довольствоваться лишь страницами, имеющими «отношение к тамбовскому губернатору Н.П. Муратову» (с. 11). В результате такой произвольной выборки читатель лишен возможности познакомиться, например, с мнением Муратова о воспоминаниях С.Ю. Витте,

об убийстве Столыпина, не говоря уже о его службе курским губернатором, членом Совета министра внутренних дел. Чем обусловлен такой избирательный подход к публикации, не объяснено.

При подготовке научно-справочного аппарата составители нарушили его основополагающий принцип: в нем нет единообразия и отсутствуют указания на источники. Комментарии по персоналиям не соизмеримы по объему и подробности, причем сведения о ряде лиц отсутствуют. Во многих случаях составители явно поспешили на комментирование. В результате отдельные свидетельства мемуариста могут быть неверно истолкованы. Например, Муратов искажил обстоятельства того, как в начале 1912 г. он воспрепятствовал выборам моршанским уездным предводителем дворянства К.А. Бенкендорфа, обвиненного в симпатиях к кадетам. Представляя себя отважным защитником самодержавия, он подчеркивает свое равнодушие к указаниям и предупреждениям главы МВД А.А. Макарова относительно опасности конфликта между администрацией и дворянством (с. 368–369, 373 и др.). «В разрешении дворянских вопросов губернатор был вполне самостоятелен и никаким указаниям не обязан был подчиняться», – гордо заявляет Муратов (с. 368). Между тем, в фонде канцелярии Министра внутренних дел в РГИА сохранились документы, свидетельствующие о том, что Муратов старался согласовывать с Макаровым каждый свой шаг⁶. Эта переписка была в свое время обнаружена Ю.Б. Соловьевым⁷. В итоге, избранный двумя третями собрания Бенкендорф не был утвержден губернатором. В жалобе министру по этому поводу дворянство утверждало, что относительно принадлежности их избранника к кадетам «никаких убедительных доказательств не предоставлено». И действительно, поддержка кадета тамбовским дворянством, большая часть которого традиционно придерживалась правых взглядов, выглядела странно⁸. Составители же, доверившись Муратову, посчитали, что «тамбовские дворянские деятели, откровенно фрондируя, поддержали избрание моршанским предводителем кадета» (с. 9). Кстати, именно эта история послужила причиной удаления Муратова из Тамбовской губ.

Некоторые сюжеты текста прокомментированы неверно. Например, фразу «я стал совсем плохим прокурором, ... читавшим лишь II том» (с. 24), составители объясняют тем, что «здесь и далее имеются в виду тома Полного собрания законов Российской империи» (с. 405). Следуя такому комментарию, непонятно, зачем чиновнику начала XX в. был нужен том, включавший законодательство

1676–1688 гг.? Муратов же явно имел в виду II том Свода законов Российской империи «Учреждение губернское». Подобным образом следует понимать и указание на «том IX», знание которого губернским предводителем Чолокаевым отмечал Муратов (с. 54). Последний, конечно, имел в виду не ПСЗ, а соответствующий том СЗ («Свод законов о состоянии людей в государстве»).

Остались без комментариев многие устаревшие и малоупотребительные слова. Например, «головизна» (с. 90), «петиметр» (с. 118), «квашня» (с. 127), «ризотто» (с. 181), «муль» (с. 184), «зюла» (с. 142), «пейсатый» (с. 280). Некоторые не прокомментированные утверждения Муратова, выглядят не только курьезно, но и могут ввести в заблуждение неподготовленного читателя. Например, мемуарист, безусловно, ошибается, считая, что Большой Венецианский канал шире р. Невы (с. 186). Средняя ширина Невы составляет 200–400 м, протяя 30–70 м у канала⁹.

Остается добавить, что составители предложили сложную систему примечаний. Их выделено три: «подстрочные примечания» или «примечания автора», «прономерованные комментарии» и «примечания самих составителей» (с. 12). Все это запутывает читателя и делает пользование научно-справочным аппаратом неудобным.

Тем не менее, даже в таком усеченном и лапидарном варианте, воспоминания Муратова видятся нам прекрасным рабочим материалом для исследователей взаимоотношений государства и общества, поскольку великолепно

отражают опыт отдельной, тамбовской модели таких отношений. Однако знакомство с этой малой частью яркого источника лишь усиливает желание прикоснуться к его полноте. Поэтому настоящее, подлинное открытие богатейшего мемуарного наследия Н.П. Муратова еще впереди.

А.С. Минаков,
кандидат исторических наук
(Орловский государственный университет)

Примечания

¹ См. рецензируемое издание. С. 13.

² *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990. С. 142–145, 199–211 и др.

³ *Туманова А.С.* Консерватор во власти: Губернатор Н.П. Муратов // Отечественная история. 2003. № 3. С. 103–113.

⁴ *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 65, 85, 134 и др.

⁵ Данный сюжет был исследован при публикации созданных подобным образом мемуаров В.И. Ковалевского. См.: *Шепелев Л.Е.* Воспоминания В.И. Ковалевского // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 22–23; См. также: *Куликов С.В.* Муратов // Государственный совет Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 171.

⁶ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1268, л. 6, 10, 16 и др.

⁷ *Соловьев Ю.Б.* Указ. соч. С. 203–204.

⁸ Там же. С. 205.

⁹ *Нежгиховский Р.А.* Река Нева и Невская губа. Л., 1981. С. 18; Большая Российская энциклопедия. Т. 5. М., 2006. С. 127.

Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2008. 227 с.

Сборник статей, вышедший по результатам научно-практического семинара, проведенного Музеем истории парламентаризма в России при Межпарламентской Ассамблее государств-участников СНГ 11 декабря 2007 г. в Санкт-Петербурге в Таврическом дворце, посвящен рассмотрению комплекса проблем, связанных с историей российских представительных учреждений. Ставшие уже ежегодными Таврические чтения продолжают начинание В.И. Старцева, вдохновителя и организатора конференции по истории российского парламентаризма, прошедшей 25–26 апреля 1996 г. в здании этого же дворца, в котором 27 апреля 1906 г. открылись заседания I Государственной думы.

В рецензируемом сборнике опубликовано 13 научных статей, отражающих историю

деятельности Государственной думы I–IV созывов. Авторы исходят из собственных представлений о начальных границах истории российского парламентаризма, этапах его развития и сущности; многие их утверждения дискуссионны. В частности, полемизируя с «историографической аксиомой», согласно которой содержание Манифеста 17 октября 1905 г. противоречило взглядам Николая II, С.В. Куликов приходит к выводу, что бывший самодержец не был противником идеи народного представительства «и в полном смысле слова стал его создателем, действуя под влиянием не столько внешних факторов (опозиционное или революционное движение), сколько своих консервативно-либеральных взглядов» (с. 45). Кроме того, также вопреки «историографическим стереотипам», в ста-